

Сказка — вариант 2

— Папа, расскажи мне какую-нибудь сказку... Да слушай же, что я тебе говорю, папочка-аа...

При этом семилетний Котик (его имя было Константин), сидевший на коленях у Холщевникова, старался обеими руками повернуть к себе голову отца. Мальчика удивляло и даже немного беспокоило, зачем это папа вот уже целых пять минут смотрит на огонь лампы такими странными глазами, неподвижными, как будто бы улыбающимися и влажными.

— Да па-па же-е, — протянул Котик плаксиво. — Ну чего ты со мной не разговариваешь?

Иван Тимофеевич слышал нетерпеливые слова своего сына, но никак не мог сбросить с себя того странного очарования, которое овладевает человеком, засмотревшимся на блестящий предмет. Кроме яркого света лампы, к этому очарованию примешивались и обаяние тихого, теплого, летнего вечера, и уютность небольшой, но миленькой дачной террасы, затканной диким виноградом, неподвижная зелень которого при искусственном освещении приобрела фантастический, бледный и резкий оттенок.

Лампа под зеленым матовым абажуром бросала на скатерть стола яркий ровный круг... Иван Тимофеевич видел в этом круге две близко склонившиеся головы: одну — женскую, белокурую, с нежными и тонкими чертами лица, другую — гордую и красивую голову юноши, с которой черные волнистые волосы падали небрежно на плечи, на смуглый смелый лоб и на большие черные глаза, такие горячие, выразительные, правдивые глаза. На своих щеках и на своей шее Холщевников чувствовал прикосновение нежных рук Котика и его теплое дыхание, даже слышал запах его волос, слегка выгоревших за лето на солнце и напоминавших запах перьев маленькой птички. Все это вместе сливалось в такое гармоничное, такое радостное и светлое впечатление, что глаза Холщевникова невольно начали щипать благодарные слезы.

Две головы, склонившиеся около лампы и почти касавшиеся волосами, принадлежали жене Холщевникова и Григорию Баханину, его лучшему другу и ученику. Иван Тимофеевич с искренней, горячей и заботливой любовью относился к этому пылкому и беспорядочному молодому человеку, в картинах которого опытный глаз учителя давно уже прозрел удар широкой и дерзкой

кисти громадного таланта. В душе Холщевникова совсем не было зависти, столь свойственной бурной и вульгарной среде художников. Наоборот, он гордился тем, что будущая знаменитость — Баханин — брал у него первые уроки и что его жена, Лидия, раньше всех признала и оценила его ученика.

Баханин, молча и не отрываясь, чертил карандашом на лежавшем перед ним листе бристольской бумаги, и из-под его руки выходили карикатуры, виньетки, животные в человеческих костюмах, изящно сплетенные инициалы, пародии на картины, выставленные в Академии художеств, тонкие женские профили... Эти небрежные наброски, на которых каждый штрих поражал смелостью и талантом, быстро сменялись один за другим, вызывая на лице Лидии Львовны, внимательно следившей за карандашом художника, то усиленное внимание, то веселую улыбку.

— Ну вот какой ты, папа. Сам обещаешь, а сам теперь молчишь, — протянул обидчиво Котик. При этом он надул губки, опустил низко голову и, теребя свои пальцы, замотал ногами.

Холщевников обернулся к нему и, чтобы загладить свою вину, обнял его.

— Ну, хорошо, хорошо, Котик. Я тебе расскажу сейчас сказку. Не сердись... Только... Что бы тебе рассказать?..

Он задумался.

— Про медведя, которому отрубили лапу? — сказал Котик, облегченно вздыхая. — Только я это уже знаю.

Внезапно в голове Холщевникова сверкнула вдохновенная мысль. Разве жизнь его не может послужить темой для хорошей, трогательной сказки? Разве давно это было? — всего двенадцать лет тому назад, — когда он, бедный, неизвестный художник, затираемый начальством, оскорбляемый самообожанием, невежеством и рекламированием бездарностей, не раз ослабевал, терял голову в жестокой борьбе с жизнью и проклинал тот час, когда взялся за кисть. В это тяжелое время на его пути встретила Лидия. Она была гораздо моложе его, она была ослепительно красива, умна, окружена поклонниками. Он, бедный, невзрачный, болезненный, испуганный жизнью, и мечтать не смел о любви этого высшего обворожительного существа. Но она первая уверовала в него, первая протянула ему руку. Когда, утомленный неудачами и бедностью, потерявший силу и надежду, он падал духом, она ободряла его лаской, нежной заботой, веселой шуткой. И ее любовь восторжествовала... Теперь имя Холщевникова известно всякому грамотному человеку, его картины украшают галереи коронованных особ, — он

единственный из академиков, которого обожают ни во что не верящая среда молодых художников... О материальном успехе и говорить нечего... И он и Лидия с избытком вознаграждены за долгие унижительные годы свирепой экономии, почти нищенства.

В то бедственное время Иван Тимофеевич и представить себе не мог бы всей этой тихой прелести, этой довольной жизни, согретой неизменной лаской красавицы жены и нежной любовью милого Котика, этого радостного сознания семейности, которой крепкая дружба с Баханиным придавала еще большую глубину и значение.

Тема сказки быстро сложилась в его голове.

— Ну, хорошо, слушай, Котик, — начал он, глядя сына по мягким, тонким волосам. — Только, чур, не перебивать... Ну, так вот-с. В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король с королевой.

— И у них не было детей?.. — спросил Котик тонким голосом.

— Нет, Котик, у них были дети... Не перебивай, пожалуйста... Наоборот, у них детей было чрезвычайно много. Так много было детей, что когда король разделил всем сыновьям свои богатства, то младшему-то сыну ничего не досталось. Как есть ничего не досталось, ни одежды, ни лошадей, ни домов, ни слуг... Ничего... Да... Ну вот, когда король почувствовал, что близок его конец, созвал он своих сыновей и говорит им: «Милые дети, может быть, я скоро умру и потому хочу выбрать из вас наследника... но непременно самого достойного... Вы знаете, что на границе моего королевства есть большой-пребольшой дремучий лес... А в самой середине леса стоит мраморный дворец. Только проникнуть туда очень трудно. Многие пробовали сделать это, но назад не возвращались. Их пожирали дикие звери, щекотали до смерти русалки, кусали ядовитые змеи... Но вы идите смело вперед... Пусть ни страх, ни благоразумные советы близких, ни соблазн безопасности не останавливают вас... У ворот мраморного дворца вы увидите трех львов, прикованных на цепях: одному имя — Зависть, другому — Бедность, третьему — Сомнение. Львы кинутся на вас с оглушительным ревом. Но вы идите все прямо и прямо. Во дворце, в серебряной комнате, на золотом треножнике, усыпанном звездами, горит вечный священный огонь. Итак, запомните мои слова: кто из вас зажжет от этого огня светильник и возвратится с ним домой, тот и будет наследником моего царства».

Иван Тимофеевич, не выпуская Котика из своих объятий, закурил папиросу. Баханин и Лидия, по-видимому, с интересом прислушивались к его сказке;

Баханин даже приложил ладонь зонтиком к своим глазам, стараясь из света разглядеть Холщевникова, сидевшего в темном углу в качалке.

— Ну-с, хорошо, — продолжал Холщевников, — пустились королевские сыновья в путь. Поехал и младший принц. Уж придворные отговаривали его, отговаривали: ты и молод, и слаб, и болезнен, куда тебе за старшими идти? Но он отвечал им: «Нет, и я хочу быть в мраморном дворце и зажечь свой светильник у священного огня».

И поехал. Ну-с, хорошо. Долго ли, коротко ли, но только доехали братья до леса. Вот старшие и говорят: «Через лес ехать и страшно, и трудно, и далеко, поедем-ка вокруг, может быть, найдем другую дорогу». А младший говорит: «Вы, братцы, как хотите, а я поеду прямо, потому что другой дороги через лес нет». Братья ему отвечают: «Ты, известно, Иванушка-дурачок, нечего с тобою и разговаривать; съедят тебя в лесу дикие звери или сам умрешь от голода». Да. Ну вот, едет младший сын, едет один день, едет другой, едет третий. А лес все гуще и гуще становится. Колючие кусты хлещут ему в лицо ветвями, рвут на нем одежду, волки воют ему вслед, вурдалаки гонятся за ним, а он все едет. На деревьях качаются русалки с зелеными волосами и манят его к себе: «Иди к нам. Куда ты едешь? И дворца-то мраморного никакого нет. Все это сказки одни, выдумки глупцов и мечтателей. Иди к нам. Ты будешь жить весело и беззаботно, мы будем услаждать слух твой музыкой и пением. Иди к нам». Но он не слушает и едет все дальше и дальше. Наконец пала у него лошадь... А лес все гуще и гуще; на каждом шагу непроходимые болота, крутые овраги, чаща лесная... Не хватило у принца сил... Повалился он на сырую землю и уж думает, что ему конец приходит. «Верно, думает, впрямь дворца никакого нет мраморного, лучше бы вовсе мне было не ходить сюда или остаться по дороге у русалок. А то теперь погибну я ни за что, и некому меня даже похоронить...». Только это он подумал, как вдруг, откуда ни возьмись, появляется перед ним фея в белоснежных одеждах и говорит ему: «Зачем ты, принц, отчаиваешься и ропщешь? Возьми мою руку и иди». И как он только дотронулся до ее руки, то сразу почувствовал облегчение, встал и пошел вместе с прекрасной феей. И когда по дороге он ослабевал и готов был упасть от усталости, фея все крепче сжимала его руку. И он собирался с духом и шел, преодолевая утомление.

Холщевников остановился.

— Ну, а что же, папа, дальше? — спросил Котик, глядя на него темными, внимательными, широко раскрытыми глазами.

Иван Тимофеевич встряхнул волосами, и голос его зазвучал почти гордо:

— Пришел принц во дворец. Он не испугался страшных львов: Сомнения, Бедности и Зависти, сидевших на цепях у ворот, потому что с ним была прекрасная фея. Он зажег священный огонь от золотого жертвенника, усеянного брильянтовыми звездами, и пошел с ним домой, в свое королевство. И когда он возвращался из дворца, то львы лежали у ворот, как ручные собаки, и лизали следы его ступней, лес расступился в стороны, образуя широкую гладкую дорогу, а прекрасная фея превратилась в принцессу (она была раньше заколдована злой волшебницей) и с тех пор никогда уже больше не покидала принца. Что же касается остальных братьев, то некоторые испугались трудной дороги и остановились на середине, а иные возвратились домой, и над ними все государство смеялось. А младший принц со своей прекрасной принцессой стали жить да поживать, да добра наживать. Так-то, мой Котик.

— И все, папа? — спросил разочарованным голосом мальчик, потихоньку сползая с отцовских колен.

— Все, мой мальчик. Иди-ка теперь лучше, мой маленький принц, спать. Попрощайся с мамочкой и с Гришей.

— Нехорошая сказка, — сказал мальчик, однако послушно встал, поцеловал Лидию Львовну, которая заботливо и бережно его перекрестила, потом поцеловал Баханина и, взявши за руку отца, пошел в детскую.

С помощью няньки он раздел Котика и уложил его в постель. В детской было полутемно. Слабо мерцала розовая лампада у образа, отражаясь дрожащими наивными искрами на золотой ризе темноликого угодника.

Котик улегся на правый бок, подложив под щеку сложенные ладони, и спросил:

— Ты, папа, всю эту сказку рассказал? До конца?

— Всю, Котик. А что?

— Да так. А где же теперь этот сын?

— Сын? Сын еще не сделался королем, но зато он женился на фее, и у них есть маленький сынок, вот вроде моего Котика... Только Котик не любит писать под диктовку, а сын принца пишет с удовольствием.

— А отчего же, папа, они называли его Иванушкой-дурачком?

— Потому, голубчик, что он был совсем простой и бедный. Да он и впрямь был бы дурачком, если бы не повстречался с прекрасной феей. Заблудился бы он, дикие бы звери его...

Глубокое и ровное дыхание Котика говорило, что он заснул, не дослушав ответа на свой вопрос. Холщевников с умиленным и растроганным сердцем перекрестил сына и, тихо ступая своими лайковыми туфлями, вышел из детской на террасу.

Ни Лидия, ни Баханин не слышали его шагов. Она лежала у него на плече и, закинув назад голову, с полуоткрытыми, смеющимися влажными губами уклонялась от его поцелуев. Черные кудри и пепельные завитки смешались... Видно было, что сопротивление Лидии волнует обоих: она побледнела, а смуглое лицо Баханина покрылось розовыми пятнами и приняло умоляющее выражение. Наконец она, точно обессилив, со страстным вздохом, похожим на стон, прижалась губами к его губам и порывисто обвила его шею своей прекрасной полуобнаженной рукой...

Сказка окончилась...